

Аспект относительности в грамматической категории времени

Диана Вилькелёнок

<http://dx.doi.org/10.5755/j01.sal.0.20.1783>

Аннотация. Глагольное время рассматривается в грамматиках с античных времен. Формы глагола, соотносимые с определенными значениями, выстраиваются в конкретном языке в некую систему, объясняемую схемами временных отношений. Определение грамматической категории времени связано с проблемой поиска критерия соотношений в такой схеме, поиском общего знаменателя, способного объяснить системные характеристики грамматического выражения времени. Цель данной работы — проанализировать аспекты грамматической категории времени, характеризующиеся критериями относительности, и определить языковые явления, связанные с понятием относительности и временными отношениями. В статье приводится обзор истории трактовок глагольного времени, рассматриваются сформировавшиеся традиции схем объяснения значений временных форм, выделяются разные критерии толкования термина относительного времени. В последнем разделе анализируются схемы соотношения значений в определениях грамматического времени в русских и литовских академических грамматиках. Определение в литовских грамматиках основывается на понятии момента речи, а в «Русской грамматике» на понятии точки отсчета.

Ключевые слова: абсолютное время, относительное время, момент речи, временной дейксис, точка отсчета, таксис.

Введение

Что же такое время? Кто смог бы объяснить это просто и кратко? Кто смог бы постичь мысленно, чтобы ясно об этом рассказывать? О чем, однако, упоминаем мы в разговоре, как о совсем привычном и знакомом, как не о времени? И когда мы говорим о нем, мы конечно понимаем, что это такое, и когда о нем говорит кто-то другой, мы тоже понимаем его слова. Что же такое время? Если меня никто об этом не спрашивает, я знаю, что такое время, если бы я захотел объяснить спрашиваемому — нет, не знаю (XI.XIV.17).

Это наиболее часто цитируемое изречение из «Исповедей» Блаженного Августина (Аврелий Августин, 1992) приводим в качестве введения к теме, которой посвящена данная статья. Как свидетельствует цитата, Августина заботит вопрос: «Что же такое время?», причем он обращает внимание на некую парадоксальность — с одной стороны, само существование времени очевидно, с другой стороны, объяснение времени представляется чрезвычайно трудной задачей.

Основа парадокса, на который указывает Августин, лежит в более глубоких пластах проблематики вопроса времени. Тем, кто знаком с произведением Августина, должно быть известно и решение, к которому он приходит. Его кратко можно свести к таким словам Августина (XI.XXVII.36): «В тебе, душа моя, измеряю я время» — ключ к пониманию феномена времени следует искать в человеке, в его сознании. Таким образом, Августин затрагивает эпистемологическую проблему субъективности. Познание представляет собой процесс, протекающий через точку «Я», поэтому, даже будучи направленным на внешние объекты, всегда в определенной

степени остается субъективным. Направив взгляд от мира внешнего на мир внутренний, Августин стал инициатором философской традиции, которую Поль Рикёр (2004, с.136) назвал традицией «внутреннего усмотрения» — движения сознания к сосредоточенности в себе.

Проблему субъективности времени также можно попытаться объяснить в свете концепции трансцендентальной эстетики, развитой другим философом Иммануилом Кантом тринадцатью веками позже. Время и пространство являются априорными формами познания (Кант, 2006, сс.63–89), самой основой нашего чувственного восприятия, поэтому недоступны для познания в качестве явления. Мы не можем воспринимать действительность вне времени, потому что наше восприятие организовано именно таким образом.

Языковая категория времени с античных времен описывается в грамматиках, этой категории посвящено много исчерпывающих работ (Потапова, 2009; Petronienė, 2009; Агрова, 2005; Comrie, 1985; Dahl, 1985; Бондарко, 1971), однако взгляды лингвистов на категорию времени продолжают развиваться. Интерес ученых к вопросу времени в языке показывает, что с развитием лингвистики, как самостоятельной науки, актуальность проблем, на которые обращали внимание философы, не уменьшилась. Более того, возникла потребность объяснять их, давать им трактовку уже в рамках чисто лингвистических тем, таких как, например, глагольная категория времени. Для внимательного современного лингвистического взгляда в силе остается тот же парадокс, на который обратил внимание Аврелий Августин. С одной стороны, значения временных форм понятны и очевидны для любого человека, владеющего языком,

пусть и не имеющего представления о научных определениях этого явления. С другой стороны, лингвистам приходится искать критерий, некую опорную точку, отталкиваясь от которой можно было бы объяснить функционирование временных форм и соответствующий значений в языке — по сути то, чем для Августина в понимании времени является душа, сознание.

Поиск такой точки связан с аспектом относительности, который, с одной стороны, является неизбежным, как доказывает одно из фундаментальных положений классиков философии, — онтологический смысл времени всегда предполагает отношение. С другой стороны, аспект относительности усложняет формулировки и объяснения, так как в трактовках грамматических основ выражения времени может быть применим в разных проекциях: мы можем соотносить между собой два временных момента, два элемента грамматической категории, глаголом выражаемое действие и систему отсчета времени и т. д., что может вызвать несогласованное толкование термина относительное время.

Эти причины объясняют актуальность поиска контуров критерия относительности, очерчивающих исключительно системные характеристики грамматического выражения времени. В данной статье ставится цель проанализировать аспекты грамматической категории времени, характеризующиеся данным критерием, и на основе анализа определить языковые явления, связанные с понятием относительности и временными отношениями. Для этой цели ставится задача — дать краткий обзор истории трактовок глагольного времени, чтобы проследить сформировавшиеся традиции критериев относительности, на основе которых вырабатывались определенные схемы объяснения значений временных форм и семантические модели времен в системе грамматической категории. Далее методом сопоставления проанализируем, какие схемы соотношений применяются в определениях грамматического времени в русских и литовских академических грамматиках.

Истоки грамматического взгляда на время и концепция линейного времени

Если принять позицию И. Канта в отношении времени и признать, что «время есть форма внутреннего чувства, т. е. созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния» (Кант, 2006, с.74), вполне приемлемо будет и такое объяснение по поводу представлений о времени:

Именно потому, что это внутреннее созерцание не имеет никакой внешней формы, мы стараемся устранить этот недостаток с помощью аналогий и представляем временную последовательность с помощью бесконечно продолжающейся линии (Кант, 2006, с.74).

Уже в гомеровских строках в *Илиаде* находим деление вещей на то, «что минуло, что есть и что будет» (Гомер, 1990). Это разделение находит отражение в мифологической символике разных культур. Так, в древнегреческой мифологии мойра Клото прядет нить жизни

человека, Лахесис определяет ее длину, а Атропос прорезает.

Трехмерная система времени побудила выработать пространственные метафоры для выражения времени, а также отразилась в индоевропейских языках в системах глагольных форм. По свидетельству Диогена Лаэртского (1986, VIII.8), первым различать времена глагола и точно выражать время действия начал философ Протагор. Аристотель (1996, XX.1109) в *Поэтике* о глаголе говорит:

Глагол — сложное, самостоятельное, с оттенком времени слово, в котором отдельные части не имеют самостоятельного значения так же, как в именах. Например, «человек» или «белое» не обозначают времени, а (формы) «идет» или «пришел» обозначают еще одна — настоящее время, другая — прошедшее.

За идеей, состоящей в том, что язык отражает некий образ мира, закрепилось название наивной модели (картины) мира (Апресян, 1997), противопоставляемой научной модели мира. Одним из возможных проявлением «наивной образности» можно считать линейное представление времени (Comrie, 1985; Binnick, 1991; Апресян, 1997), предполагаемое трёхмерной системой форм глагольного времени. Соответственно, совершенно иной образ времени предполагается системой форм глаголов языка, в котором время выражается, например, видом глагола. В качестве иллюстрации двух типов языкового «видения» времени могут послужить выводы Торлейфа Бомана, сопоставляющего образы древнееврейского и древнегреческого мышления. С его точки зрения (Boman, 1970, с.145), в языках с трехмерной системой действия ориентированы на объективность, безличность и пространство, а в древнееврейском — на субъективность, личность и временность. Концепцию времени, в которой время определяется из точки говорящего на представляемой линии времени, Т. Боман (Boman, 1970, с.145) называет относительным временем (relative time). В этом смысле трехмерная система глагольных времен относительна, а древнееврейская нет.

Традиция трехмерной системы глагольных времен, отмеченной древними греками, установилась в европейских грамматиках. Однако, наряду с формами глагола, выражающими прошедшее, настоящее, будущее время, в древнегреческом языке существовали и другие формы глагольного времени, что влекло за собой проблему их трактовки. Если трехмерную систему времен несложно представить в качестве линии, то для объяснения дополнительных форм приходится искать более конкретные семантические признаки. Дионисий Фракийский (Dionysios Thrax, 1874, с.12) в своей грамматике пишет о трех основных формах глагольного времени: настоящем, прошедшем, будущем, и четырех подвидах: *ларататикόν*, *паракейμενον*, *υπερσυντέλικον* и *αοριστον*, которые позже в латинских грамматиках стали носить названия имперфект, перфект, плюсквамперфект и аорист (инфинитив). В качестве объяснения Дионисий (1874, с.12) выстраивает времена в три пары: настоящее связывает с импер-

фектом, перфект — с плюсквамперфектом, а аорист — с будущим. Морфологическая основа в этих парах совпадает, но можно заметить и семантическую связь: настоящее время, как и имперфект, выражает незаконченное действие, перфект и плюсквамперфект — законченные, будущее время и аорист неопределенные и могут выражать как законченное, так и незаконченное действие. Таким образом, Дионисий привлекает отношения между значениями временных форм для объяснения оппозиций системы глагольного времени, однако не находит достаточно системного решения этой проблемы.

Позже для грамматистов стала более приемлема система описания времен, предложенная римским грамматистом Марком Теренцием Варроном (Varro, IX.LIV.96), в которой времена со значением действий завершённых и незавершённых составляют две параллельные линии. В этой схеме значения времен соотносимы между собой уже не только в горизонтальной, но и в вертикальной плоскости, что вело к более системному их пониманию.

Таблица 1. Схема глагольных времен Варрона.

ВИД \ ВРЕМЯ	ВРЕМЯ		
	прошедшее	настоящее	будущее
несовершенный	<i>discebam</i>	<i>disco</i>	<i>discam</i>
совершенный	<i>didiceram</i>	<i>didici</i>	<i>didicero</i>

Система Варрона отличалась от системы Дионисия тем, что в ней перфект относился не к прошлому, но к настоящему. Это выявило проблему спорной трактовки форм перфекта, так как его форма, с одной стороны, означает действие уже свершившееся в прошлом, а с другой стороны, имеющее результат в настоящем.

Античными грамматистами был отмечен и другой тип взаимосвязи временных форм, при котором строится определенная взаимосвязь между формами глагола в сложном предложении. Форма глагола придаточного предложения морфологически обусловлена временем или наклонением глагола в главном предложении. Таким образом, отношение между главным и придаточным предложением становится морфологически выраженным. В ранних индоевропейских языках это явление получило название *consecutio temporum vel modorum* — «последовательность времен или наклонений». В латинском языке правило *consecutio temporum* определяет употребление временных форм сослагательного наклонения в соответствии с системой значений предшествования, одновременности, следования по отношению к действию, выражаемому глаголом в главном предложении, а в древнегреческом *consecutio modorum* обуславливает употребление обязательного опатива. Как отмечают авторы Сильвия Люраги и Вит Бубеник (Luraghi, Bubenik, 2010, сс.244–245):

придаточное предложение не относит к ситуации per se с отдельными участниками, пространственно-временными координатами и иллокуцией, но предлагает относительное видение ситуации, которая может быть полностью

интерпретируема только в отношении к определенным семантическим компонентам главного предложения.

В латинском языке правило относится к употреблению сослагательного наклонения, однако в современных романских языках, как и в английском, этот термин (или аналогичный термин *sequence of tense*) также может быть относим к согласованию изъявительного наклонения в придаточных предложениях.

Правило *consecutio* принимает во внимание временные отношения, характеризующие последовательность действий, выраженных в предложении. Но подобные взаимоотношения могут быть установлены не только в синтаксической структуре, но при семантическом сравнении значений времен, абстрагированном от синтаксиса высказывания. Роберт Бинник (Binnick, 1991, с.40) указывает на заслугу Жюля Сезара Скалигера, который в 1540 году в своей грамматике разделил абсолютные времена — определяемые с точки зрения настоящего — и относительные времена — определяемые с точки зрения другого времени. В XVII веке в европейских грамматиках появились описания форм глаголов, построенные на их отношениях к другим временам. В «Общей грамматике» Антуан Арно и Клод Лансело (Arnauld, Lancelot, 1810, с.339) говорят о трех сложных временах: прошедшем незавершенном (*prétérit imparfait*) которое определяется как прошлое по отношению к настоящему, предпрошедшем время (*plus-que-parfait*), которое определяется как прошлое по отношению к другой вещи в прошлом, будущем завершенном (*future parfait*), которое определяется как будущее по отношению к прошлому.

В 1859 году в «Латинской грамматике» Йохана Николая Мадвига (Madvig, 1859, с.288) разделение между абсолютными и относительными временами теряется, так как у него прошедшее, настоящее и будущее время определяются по отношению к настоящему:

Высказывание обычно либо относится к одному из трех основных глагольных времен: настоящему, прошедшему, будущему, либо формулируется в отношении определенной точки в прошлом или будущем.

Такая система предполагает 9 времен. Если предшественники значение перфекта не определяли как относительное, то Й. Н. Мадвиг определяет его как «прошлое в отношении к настоящему». Вместе с тем Й. Н. Мадвиг переворачивает понятие относительного времени. В грамматике А. Арно имперфект считается «прошедшим по отношению к настоящему», а Й. Н. Мадвиг понимает его как «настоящее в прошедшем».

Система грамматических времен Й. Н. Мадвига построена на общем взаимном отношении времен, в этом смысле любое время для Й. Н. Мадвига относительно. Однако недостатком системы следует считать то, что настоящее оказывается на одной стороне оппозиции по отношению к другим временам и само не имеет никакого определения.

Таблица 2. Схема глагольных времен Й. Н. Мадвига.

	PRAESENS	PRAETERITUM	FUTURUM
	<i>scribo</i>	<i>scripsi</i>	<i>scribam</i>
in praeterito	<i>scribebam</i>	<i>scripseram</i>	<i>scripturus, eram (fui)</i>
in futuro	<i>scribam</i>	<i>scripsero</i>	<i>scripturus ero</i>

Отто Есперсен (1958, сс.297–299) критикует Й. Н. Мадвига и теорию релятивного времени. Основными моментами для критики, по его мнению, являются: 1) тройное подразделение «сейчас», которое как точка не имеет измерений и не может быть разделено, 2) расположения

A past прошедшее время			present настоящее время	C future будущее время		
before-past допрошедшее время	past прошедшее время	after-past послепрошедшее время		before-future добудущее время	future будущее время	after-future послебудущее время
Aa	Ab	Ac	B	Ca	Cb	Cc
ante-preterit форма допрошедшего времени	preterit форма прошедшего времени	post-preterit форма послепрошедшего времени	present форма настоящего времени	ante-future форма добудущего времени	future форма будущего времени	post-future форма послебудущего времени

Рис. 1. Схема времен О. Есперсена.

При этом О. Есперсен выстраивает не систему грамматических форм глагола, а семантическую систему времен, в которой находят место грамматические времена. Функциональный взгляд на категорию, которому следует О. Есперсен, требует описывать разные возможности употребления глагольных форм времени, раннее игнорируемые грамматистами, обращать внимание на многозначность и многообразность употребления. О. Есперсен отмечает, например, возможность выражение простого прошедшего времени формами настоящего глагольного времени, так называемого исторического настоящего, также то, что настоящее время почти всегда затрагивает прошедшее и будущее, так как длительность «сейчас» сильно меняется в зависимости от обстоятельств. О. Есперсен разделяет простые времена и подчиненные, т. е. моменты, предшествующие или следующие за другим моментом (в прошедшем или будущем), который может быть либо упомянут, либо подразумеваться в соответствующем предложении. Под этим разделением можем разглядеть оппозицию абсолютных и относительных времен.

Не смотря на то, что О. Есперсен фиксирует и системные, необходимые элементы функционирования времен и вместе с тем случаи несистемного их употребления, по мнению Р. Бинника (Binnick, 1991, с.59) ему не удастся показать, как функциональные категории связаны с этим употреблением. Кроме того, О. Есперсену приходится обособлено рассматривать

времени в двухмерной системе, что является неестественным для человеческого восприятия.

Без сомнения, мы вынуждены (исходя из самого существа времени или, во всяком случае, по необходимости нашего мышления) представлять себе дело так, что время имеет только одно измерение и, таким образом, может быть представлено в виде прямой линии (Есперсен, 1958, с.300).

Каждое время О. Есперсен предлагает оценивать в отношении «теперь» говорящего и только таким образом относительно. В качестве решения О. Есперсен предлагает расположить семь подразделений времени на прямой линии, но учитывать, что в разных языках эти подразделения могут быть другими.

невременное употребление форм, перфект, инклюзивное время, имперфект и аорист.

Дж. Лайонз (1978, с.322–323) считает О. Есперсена жертвой того допущения, что в языке должно отражаться «естественное» подразделение времени на прошлое, настоящее и будущее, причем настоящее время одновременно с теоретической нулевой точкой «сейчас». Из-за такой узкой трактовки, упускаются из вида иные способы категоризации времени, например, объединение этой теоретической нулевой точки с прошедшим или будущим временем, или дихотомного деления на прошедшее и не прошедшее. Бернард Комри (Comrie, 1985, с.3) в свою очередь защищает концепцию линейного времени, указывая на то, что именно в такой перспективе человек любой культуры воспринимает собственную жизнь: рождение, взросление, зрелость, старость, смерть, но никак не наоборот.

Момент речи, временной дейксис, точка отсчета

В качестве решения проблем есперсенской концепции абсолютных времен в 1947 г. Гансом Рейхенбахом (Reichenbach, 2005) была предложена схема относительных времен. В отличие от Й. Н. Мадвига и О. Есперсена, для которых, как указывает Р. Бинник (Binnick, 1991, сс.110–111), глагольное время является примитивом и получает определение через момент во времени, на который указывает, то в системе Г. Рейхенбаха глагольное время определяется через три

независимые точки во времени. Г. Рейхенбах представляет время в качестве линии, однако для него глагольное время это не примитив, оно не может соответствовать, например, простому концепту «прошлое». Там, где О. Есперсен позволяет точке «сейчас» разбить время на настоящее, прошлое и будущее и с этими отрезками связать определенную глагольную форму, Г. Рейхенбах (Reichenbach, 2005, с.71) определяет глагольное время как отношение между моментом речи S (the point of speech), временем события действия или состояния E (the point of event) и точкой отсчета R (the point of reference). Эти три точки между собой могут находиться в отношениях предшествования «<», следования «>», и одновременности «=». Точка отсчета может совпадать с моментом речи (напр., в английском языке время Simple Past) или временем события (Present Perfect), а может находиться между ними (Past Perfect).

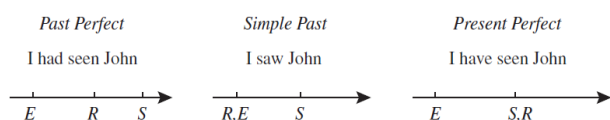

Рис. 2. Пример схемы глагольных времен Г. Рейхенбаха.

Лингвисты подхватили идею схемы времен Г. Рейхенбаха, понятия вошли и утвердились в современной грамматике. Понятие момента речи решило проблемы, связанные с неопределенным статусом настоящего времени, которое в ранних концепциях грамматического времени стояло обособленно, так как значения других времен частично объяснялись от него, а вопрос значения настоящего времени не ставился. Таким образом, категория времени не могла быть полностью объяснима в собственных рамках. Понятие грамматической категории настоящего времени не отделялось от понятия «объективного» настоящего, которое в действительности находится в динамичном отношении к линии времени, в связи с чем постоянно меняет свое отношение к другим отрезкам на этой линии.

В грамматическом понимании категории времени был сделан значительный шаг, когда лингвисты обратили внимание на существенную черту категории времени, заключающуюся в том, что «она соотносит время действия, события или состояния, обозначаемого в предложении, со временем высказывания» (Лайонз, 1978, с.292). Это связано с отмеченным античными грамматиками понятием дейксиса, точнее, с временным его аспектом или временным дейксисом. Значения этого языкового явления в своей книге «Теория языка» в 1934 г. объяснил Карл Бюлер (1993), современник Г. Рейхенбаха. Понятие дейксиса определяет свойство языка использовать выражения, связанные с самой ситуацией высказывания, в связи с чем данные выражения могут быть проинтерпретированы лишь с обращением к определенной пространственно-временной ситуации.

Типичная ситуация высказывания эгоцентрична: по мере того как роль говорящего в речи переходит от одного участника к другому, переключается и «центр» дейктической системы <...> Говорящий всегда находится в центре высказывания (Лайонз, 1978, с.292).

Таким образом, говорящий является своеобразной нулевой координатой пространственно-временного континуума. Благодаря моменту речи мы определяем и можем выразить положение вещей в настоящий момент данного мира. Так выражение «шел дождь» означает, что здесь и сейчас, в настоящий момент, я говорю, что в определенный момент прошлого утверждение «идти дождю» значило как верное. В этом смысле любое высказывание неизбежно субъективно, так как субъективность в своем роде зафиксирована в самом языке — за каждым высказыванием стоит говорящий.

Категории, которые относятся к глаголу как формирующему центр предложения, так или иначе «процессены» через субъект — установлены и зафиксированы в языке с точки зрения субъекта или говорящего. Наклонение указывает на взгляд говорящего на отношение выражаемой мысли к действительности, лицо указывает на отношение действия к действующему лицу, устанавливаемому с точки зрения говорящего «я», время с точки зрения говорящего делится на настоящее, прошедшее и будущее (Paulauskienė, 1971, с.167–168).

Временной дейксис позволяет соотносить момент речи и момент повествуемого события в проекции временных отношений одновременности/ разновременности, предшествования/ следования. В языках могут функционировать разные принципы переноса дейктического центра, в том числе и временные. Например, в латинском языке использовались своеобразные эпистолярные времена, при которых адресант ориентировался на время адресата, и вместо *В ответ на ваше письмо я пишу* следовало выражаться *В ответ на ваше письмо я писал*. В связи с переносом дейктического центра лингвисты (Аперсян, 1997, с.276; Lyons, 1977 с.579) различают первичный и вторичный дейксис, иначе называемый нарративным дейксисом, дейктической проекцией.

Понятия дейксиса, момента речи и точки отсчета помогли лингвистам подробнее характеризовать грамматическую категорию времени:

Система, которая связывает сущности с точкой отсчета, называется дейктической системой, и поэтому можем говорить, что глагольное время дейктично (Comrie, 1985, с.14).

Таким образом, понятие временного дейксиса, воспринимаемого в качестве динамической точки, позволило дать более точную оценку значениям временных форм.

Связи между тремя точками в системе Г. Рейхенбаха пересматривались лингвистами. В частности отмечается (Binnick, 1991, с.115), что для определения времен хватает установления временной последовательности между временем события и точкой отсчета, или точкой

отсчета и моментом речи. Б. Комри (Comrie, 1985, с.71) подчеркивает, что будущее перфектное время, например, в выражении *John will have finished his manuscript by tomorrow*, безотносительно к моменту речи, и подразумевает только то, что время события предшествует точке отсчета. Таким образом, внимательное рассмотрение системы Г. Рейхенбаха выявило проблему разграничения временных значений, в которых важна пара точка отсчета-момент речи и чисто аспектуальных значений, в которых важна пара время события-точка отсчета. Несмотря на то, что система Г. Рейхенбаха не разграничивала глагольное время и глагольный вид, понятие точки отсчета успешно применяется в исследованиях этой категории. Например, Е. В. Падучева (1986, с.415), отмечая наличие ситуативного контекста у значений глагольного вида, одним из типов значений несовершенного вида, возникающих в ситуативном контексте, считает противопоставление значений «синхронная/ ретроспективная точка отсчета». Как объясняет автор (1986, с.415), предложение *На стене справа висела картина* допускает два понимания:

одно с синхронной точкой отсчета (картина находится перед глазами наблюдателя в описываемый момент в прошлом), актуально-длительное, а другое — с ретроспективной (говорящий помнит, что когда-то висела картина, но в описываемый момент не висит), общефактическое.

Синхронная точка отсчета возникает в нарративном режиме повествования, характеризующемся тем, что «отношение текста к речевой ситуации, а следовательно, и к моменту речи для него не существует» (Падучева, 1986, с.416).

Шифтеры и таксис

В XX веке лингвисты все более стали обращать внимание на то, что для языка характерно существование знаков, значения которых могут быть раскрыты только в контексте речевой ситуации, иными словами, в отношении к дейктическому центру. Для таких знаков Чарльз Пирс в 1940 г. предложил термин индекса — знака, создающего непосредственную связь между словом и объектом. Также с понятиями дейксиса и момента речи связано понятие *шифтера*, предложенное О. Есперсеном в 1922 г. Особое значение этого понятия отмечал Роман Якобсон (Якобсон, 1996, с.236):

Общее значение грамматической формы, именуемой «шифтер», отличается тем, что в состав ее общего значения входит ссылка на данный речевой акт, т.е. на речевой акт, в состав которого включена эта форма.

Таковыми «шифтерами», по мнению Р. Якобсона являются, например, прошедшее время, первое лицо глагола, или же местоимения первого или второго лица, потому что указывают: время — на событие, предшествующее данному речевому акту, лицо и местоимения — на автора или адресата речевого акта. Адресанты и адресаты в беседе постоянно меняются, конкретное значение

формы «я» и формы «ты» переключается (по-английски — *it shifts*).

Роль этого явления хорошо иллюстрирует ситуация, когда ребенок, только учащийся говорить, включает в свой речевой обиход грамматическое время:

Это нововведение освобождает ребенка, погашает его зависимость от hic et nunc, т.е. от непосредственно данной временной и пространственной обстановки. Отныне он может говорить о том, что происходит на временном и пространственном расстоянии от него, и с переменностью исходных пунктов — временных и пространственных — он усваивает также идею чередующихся соучастников речевого общения. В речь ребенка проникает идея времени, а также идея большей близости или отдаленности в пространственном плане: я и ты, мое и твое, здесь и там, сюда и туда (Якобсон, 1996, с.236–237).

Понятие шифтера Р. Якобсон привлек для объяснения определенного типа референции в лингвистической коммуникации (Jakobson, 1971, с.130). В процессе лингвистической коммуникации действуют сообщение и код, причём действуют двойко: либо соотносят с определенным референтом, либо являются референтом в соотношении. В результате мы имеем 4 типа соотносимости между кодом и сообщением: 1) сообщение отсылает к сообщению; 2) код отсылает к коду; 3) сообщение отсылает к коду; 4) код отсылает к сообщению — последний случай как раз предполагает то, что О. Есперсен обозначил термином шифтера. Пользуясь этим термином, Р. Якобсон анализирует систему грамматических категорий глагола (1971, сс.133–136). Выделив в сообщении элементы сообщаемого факта (Eⁿ), факт сообщения (E^s), участников сообщаемого факта (Pⁿ) и участников факта сообщения (P^s), Р. Якобсон составил из них матрицу, основанную на противопоставлении: 1) категорий шифтерных (дейктические) и нешифтерных, 2) категорий, содержащих отношение (коннекторы) и характеризующих только сообщаемый факт, либо участников сообщаемого факта (десигнаторы), 3) категорий с участниками сообщаемого факта и без участников.

Таблица 3. Схема категорий глагола Р. Якобсона.

		<i>P involved</i>		<i>P not involved</i>	
		Designator	Connector	Designator	Connector
<i>Qualifier:</i>		Gender		Status	
	<i>Quantifier:</i>	Number	Voice	Aspect	Taxis
<i>Shifter:</i>		Person		Tense	
<i>Shifter:</i>			Mood		Evidential

		<i>P involved</i>		<i>P not involved</i>	
		Designator	Connector	Designator	Connector
<i>Non-shifter:</i>		P ⁿ	P ⁿ	E ⁿ	E ⁿ
	<i>Shifter:</i>	P ⁿ / P ^s	P ⁿ E ⁿ / P ^s	E ⁿ / E ^s	E ⁿ E ^{ns} / E ^s

На основе этих противопоставлений Р. Якобсон дал определения грамматическим категориям глагола, однако пересечения противопоставлений выявили не только общеизвестные категории рода, числа, лица, вида, времени, залога, наклонения глагола, но и еще две категории — эвиденциальности и таксиса.

Греческим словом таксис (гр. ταξίς), означающим порядок расположение, Р. Якобсон назвал категорию, которая характеризует один сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту безотносительно к моменту речи. Таким образом, глагольное время — категория шифтерная, а таксис — нешифтерная. Р. Якобсон указывает (1971, с.135), что понятие относительного времени только частично покрывает сферу данной категории. По мнению Р. Якобсона развитая грамматическая категория таксиса проявляется в нивхском (гиляцком) языке и в языке хопи. Р. Якобсон выделяет зависимый и независимый таксис. Зависимый таксис выражает «различные типы отношений к независимому глаголу — одновременность, предшествование, прерывание, уступительную связь и т. п.» (1971, с.135). В русском языке специальных форм таксиса нет, однако в качестве таксиса функционирует глагольное время, способное выражать временное отношение к главному сообщаемому факту.

Точного определения независимого таксиса Р. Якобсон не приводит, однако противопоставление зависимого и независимого таксиса лингвисты интерпретируют в своих целях. Так, В. С. Храковский (2009, с.12) понимает независимый таксис, как независимый член из двух соотносимых форм бипредикативной конструкции. В свою очередь А. В. Бондарко (1987, с.239) по поводу таксиса утверждает:

Зависимый таксис — это временное отношение между действиями, из которых одно является основным, а второе — второстепенным (сопутствующим). Независимый таксис предполагает временные отношения между действиями при отсутствии эксплицитно, формально выраженной градации основного и второстепенного действия (оттенки неполной равноправности элементов таксисного отношения возможны, однако они не имеют формального выражения и не являются грамматическими значениями тех или иных форм и конструкции).

Р. Якобсон рассматривает таксис как грамматическую категорию, которая в русском языке не выражена, но на примерах с деепричастиями Р. Якобсон показывает, что в русском языке в качестве таксиса может функционировать глагольное время. Взгляд Р. Якобсона позволил русским лингвистам рассматривать таксис как функционально-семантическую категорию. Ю. С. Маслов (2004, сс.37–38) по поводу таксиса отмечает:

Сочетание таксиса и времени дает значение сложной (двух-, а иногда и многоступенчатой) временной ориентации, выражаемой в некоторых языках специальными формами, входящими в систему так называемых относительных времен. Вместе с тем

таксисные значения одновременности, предшествования и следования во времени регулярно возникают в результате взаимодействия видовых форм, так что в некоторых языках выражение таксисных отношений может рассматриваться как одна из важнейших функций глагольного вида. Тем самым категория вида во многих случаях функционально сближается с категорией относительных времен.

А. В. Бондарко (1984, с.75, 1990, сс.16–17) разделяет категорию относительного времени и таксиса, указывая, что последний характеризует временные отношения в рамках целостного периода времени. Вместе с тем понятие относительного времени характеризует временную ориентацию формы времени, таксис в свою очередь характеризует не одну форму, а сочетание форм. Так, в предложении *Он мигал глазом, в то же время вытирал* присутствуют таксисные отношения, но время действий абсолютное, в предложении *Он ожидал, что мы вернемся* — относительное время, но не таксис, в предложениях *Он чувствовал, что краснеет*; можем найти и относительное время и таксис.

Таксис (речь идет о семантической категории и соответствующем поле) трактуется как выражаемая в полипредикативных конструкциях сопряженность действий (компонентов полипредикативного комплекса) в рамках единого временного плана (Бондарко, 1999, сс.98–99).

Решающую роль в разделении этих понятий А. В. Бондарко (1984, с.73) отводит критерию целостности временного периода:

Целостность (цельность) временного периода — это понятие, отражающее единство комплекса «сообщаемых фактов», связанных друг с другом временными отношениями.

Благодаря целостности временного периода отношение всех действий однородно к одному и тому же денотативному времени с точки зрения момента речи, т. е. относится к одному плану. В высказываниях с деепричастиями основное и сопутствующее действие сопряжены.

С. М. Полянский (2001) указывает, что разграничение между относительным временем и таксисом в полупредикативном высказывании можно четко очертить по соотношению пропозиции (диктума) и пропозициональной установки (модуса). Таксисные значения могут формироваться исключительно в процессе непосредственного семантического взаимодействия сочетающихся пропозиций, т. е. двух однородных ситуаций, например, *Он встает и идет к окну, Он сидит в кресле и курит сигарету*. При относительном времени или согласовании времен имеют место значения, формирующиеся в результате семантического взаимодействия пропозиции, выражающей ситуацию, и пропозициональной установки, выражающей субъективное отношение к содержанию, передаваемому пропозицией: *Он радуется, что так много сделал, Он сказал, что она не придет*.

Примечательно, что некоторые лингвисты предпочитают употреблять термин относительного времени в более широком смысле. Так Б. Комри (Comrie, 1985) выделяет абсолютные, относительные и абсолютно-относительные времена. Абсолютными значениями, по его мнению, обладают, например, английские финитные формы глаголов, относительными — английские нефинитные формы (в терминологии Р. Якобсона нефинитные формы обладают скорее таксисными значениями), абсолютно-относительными — английский Past Perfect. Беттина Зейслер (Zeisler, 2004, сс.47–48) считает удобным включать в понятие относительного времени функции: 1) таксиса, 2) временного порядка, выражаемого придаточными предложениями типа *consecutio temporum*, 3) временного порядка относительно заданной контекстом точки отсчета и безотносительно к моменту речи, 4) временного порядка относительно точки отсчета, предполагающей определенное отношение к моменту речи.

Следует отметить, что система категорий Р. Якобсона предполагает, что таксис, т. е. отношение одного факта к другому может быть характеризуемо разными семантическими отношениями, не только временными, но и, например, причинно-следственными. Тем не менее, лингвисты (Храковский, 2009, Маслов, 2004 Бондарко, 1984, 1996) переняли этот термин в более узкой трактовке, подразумевая только временные отношения. В более широкой трактовке в функциональной грамматике под термином таксис объединяются явления паратаксиса и гипотаксиса (Halliday, Matthiessen, 2004; с.373), частично соотносимых с терминам латинского происхождения «сочинение» и «подчинения». В этом смысле под таксисом понимается общая логико-семантическая взаимозависимость элементов, связываемых в высказывании. В этой трактовке понятия таксиса с одной стороны уходит в широкую сферу синтаксических связей. Однако роль синтаксиса в выражении временных отношений очевидна. Лингвисты, считающие предшествование, одновременность, следование не семантическим признаком формы времени, а определенных синтаксических отношений, возникающих при употреблении одной временной формы относительно другой, выделяют также понятие синтаксического времени:

Категория синтаксического времени — это объективно-субъективная категория, определяющая и формирующая предложение как единицу синтаксиса, сущность которой есть связь означаемого — отношений одновременности, предшествования и следования — и означающего — интонационно-синтаксических, морфолого-синтаксических, лексико-семантических, лексико-синтаксических и конструктивно-синтаксических средств русского языка (Шаповалова, 2000).

А. Бондарко (1984, с.77; 1987, с.234) по формальному выражению таксисную функцию в ее основе считает синтаксической. Наряду с таксисом Бондарко выделяет семантическую категорию временного порядка:

Временной порядок трактуется нами как отражаемое в высказывании и целостном тексте языковое представление «времени в событиях», т. е. представление временной оси, репрезентируемой событиями, процессами, состояниями, обозначениями моментов времени и интервала (Бондарко, 1996 с.6).

В отличие от таксиса, характеризующего временные отношения между действия в рамках полипредикативных конструкций, понятие временного порядка может быть распространено на текст в целом, а также элемент временного порядка может быть представлен и в монопредикативных конструкциях (Бондарко, 1996, с.20).

Относительное время и временные отношения в литовских и русских грамматиках

Проанализируем и сравним схемы соотношений в определениях грамматического времени в академических (описательно-нормативных) грамматиках литовского и русского языков и попытаемся определить в них место относительного времени.

В *Грамматике литовского языка* (Ambrazas, 1976, далее — LKG, §110) и в *Грамматике современного литовского языка* (Ambrazas, 1994, далее — DLKG, §829) грамматическая категория времени понимается как система глагольных форм и значений, в которой глагольные формы указывают на отношение выражаемых ими действий к моменту речи или времени другого действия:

Морфологическую категорию времени составляет система форм глагола, означающая отношение времени действия к моменту речи либо другому в предложении выраженному действию (DLKG, §829).

Значение, при котором формы времени глагола обозначают отношение выражаемого действия к моменту речи, называется абсолютным, а значение, при котором формы времени глагола обозначают отношение выражаемого действия ко времени действия, выражаемого другим глаголом, называется относительным (релятивными) (LKG, §115, DLKG, §829).

Значения относительного времени в LKG (§115) объясняются на примере форм падаливиса, форма настоящего (*samdant, besimatant, leidžiantis*) времени которого обозначает одновременность с главным действием, формы прошедшего времени (*užvažiavus, pamačius*) — предшествование, формы будущего (*atvažiuosiant*) — следование. Подчеркивается, что употребление времен в относительном значении «помогает точнее, детальнее отметить последовательность действий» (LKG, §115).

Оппозиция абсолютных-относительных времен в литовском языке также отмечается наличием в нем сложных (аналитических) форм времени глагола. Считается, что сложные формы обладают (DLKG, §832–§834) относительными значениями, так как они выражают временное отношение к моменту речи не напрямую, а через определенный отрезок времени,

совпадающий с основным временем контекста (основное время контекста указывает употребленные простых форм времени). В LKG (§215) подчеркивается, что значение сложных форм и результативное, и относительное — такие формы означают «в определенном времени происходящее результативное состояние и отношение этого состояния к действию, которое вызвало это состояние». Относительное значение в сложную форму времени привносит литовское причастие, которому оно характерно (§115). Аксель Хольвут и Юрате Паедене (Holvoet, Pajėdienė, 2004, с.127) в «Исследованиях грамматических категорий» комментируют, что «относительные времена употребляются только тогда, когда между собой сравниваются хотя бы два действия, события и т. д.». В противопоставление этому приводится категория вида, чье значение, как подчеркивается авторами, не относительно, так как им можно определить и одно изолированное событие.

Примечательно, что в LKG (§111) подчеркивается, что для простых форм глагола характерно абсолютное значение времени, однако в некоторых случаях в придаточных предложениях значение формы простого времени «близко к относительному». Однако, в DLKG (§833) уже отмечается, что значением относительного времени формы глагола «обычно обладают в придаточных предложениях (или в соответствующих им бессоюзных сложносочиненных предложениях)». Указывается (DLKG, §832, с.292), что формы простого времени являются немаркированным членом оппозиции абсолютных-относительных времен, поэтому ими указываются и те действия, которые непосредственно соотносятся с моментом речи, и те, которые соотносятся через определенный отрезок времени.

Как видим, центральным критерием значений временных форм и в LKG, и в DLKG является момент речи. Однако это понятие лингвистами оценивается неоднозначно. Алдона Паулаuskене (Paulauskienė, 1979, с.167–168) в качестве отрицательных свойств понятия момента речи отмечает то, что оно грамматической категории времени придает психологический и логический характер.

Кроме того, момент речи как явление действительности не отражается в языке ни в какой форме и с точки зрения логики необязательно совпадает с настоящим, поэтому, основываясь на нем, нельзя установить оппозиции настоящего времени по отношению к другим временам (Paulauskienė, 1979, сс.167–168).

Однако отбросив понятие момента речи и не признав его право выполнять разделительную функцию, мы не можем избежать потребности поиска критерия, способного выполнять эту функцию. Позиции для разделения грамматических времен в объективном смысле тоже нет, так как все равно придется констатировать, что действие, выражаемое формами настоящего времени, занимает период времени, который говорящий считает

настоящим, а следовательно, мы вернемся к исходной психологической и логической позиции.

Однако в защиту этого понятия выдвигается различие, которое следует принимать во внимание — не следует путать объективный момент речи с моментом речи грамматическим.

Грамматический момент речи является элементом языковой системы, так как отношения действия к нему зафиксированы в каждой форме времени (Paulauskienė, 1979, сс.167–168).

Поэтому мы можем установить отношение действия к моменту речи без минимального контекста: мы понимаем, что форма *работаю* относится к настоящему, а *работал* — к прошлому.

Хотя говорящий, устанавливая время действия, ориентируется на объективный момент речи, не являющийся языковым фактом, но для выражения установленного отношения он пользуется языком, в котором грамматические формы времени обусловлены грамматической системой языка (Paulauskienė, 1979, сс.167–168).

Таким образом, в идее грамматического момента речи выражается вся система времен. Однако если грамматический момент речи ставить строго в основе системы, то остается непонятным положение относительных значений времен, которые остаются за ее пределом. Возможно во избежание этого в *Русской грамматике* (Шведова, 1980, далее — РГ, § 1490) морфологическая категория времени глагола определяется как система форм, обозначающих отношение действия ко времени его осуществления. Вместе с тем подчеркивается нетождественность системы форм представлениям о членении реального времени.

В РГ система временных значений построена на понятии точки отсчета (§ 1495), по отношению к которой определяется время осуществления действия. Как объясняется в грамматике, ею является либо момент речи, либо какой-нибудь другой момент, в частности, время другого действия. Указывается, что в морфологической системе форм времени эти различия не отражены.

На основе понятия точки отсчета выделяется понятие грамматической точки отсчета — единой исходной точки, на которую ориентируются уже категориальные значения форм времени.

Объясняется (РГ, § 1495), что система форм времени строится на противопоставлении значений одновременности, предшествования или следования по отношению к грамматической точке отсчета, причем каждая форма времени заключает в своем грамматическом значении определенное отношение к этому ориентиру. Приводится пример:

Так, форма будущего сложного (буду писать) — носитель значения следования (будущего) по отношению к

указанной точке отсчета. Это значение принадлежит языковой грамматической системе форм времени (РГ, § 1495).

Значения предшествования, одновременности, следования входят в грамматическую систему форм времени, поэтому могут определяться «вне контекста, безотносительно к конкретному говорящему и моменту его речи» (РГ, § 1495).

Однако, когда формы времени функционируют в акте речи, их отношение к грамматической точке отсчета может быть двойко: либо связано с внеязыковым моментом речи, либо с каким-либо иным моментом. Так, в предложении *Я буду писать* форма будущего сложного выражается следование (будущее) с точки зрения момента речи говорящего, а в предложении *Я обещаю, что буду писать* та же форма выражает следование с точки зрения того момента прошлого, к которому относится действие *обещаю*. В первом случае употребление форм времени называется абсолютным, а во втором — относительным.

Таким образом, в РГ статус относительного времени значительнее, чем в литовских грамматиках, к которых относительное время является второстепенным по отношению к абсолютному времени. В РГ относительность время считается не дополнительным, но основным его признаком морфологической категории времени за счет определения, построенном на рейхенбаховском термине точки отсчета и концепции временной отнесенности к точке отсчета.

Е. В. Падучева (2010, с.375) считает обращение в РГ к понятию точки отсчета шагом назад по сравнению с «Грамматикой русского языка» В. В. Виноградова, в которой говорится (Виноградов, 1952, с.427):

Категория времени выражает отношение действия к моменту речи или к другому моменту времени, принимаемому за основу временных отношений Е. В. Падучева (2010, с.375).

Объясняет это тем, что именно речевой контекст является главным ориентиром, в котором интерпретируется временная форма. При этом Е. В. Падучева ссылается на позицию Эстена Даля (Dahl, 1985, с.25), который считает, что семантические определения, касающиеся категории времени, должны быть даны прежде всего для основного значения времени, поскольку во вторичных употреблениях (в нарративном и гипотаксическом контексте) форма времени может пересекаться с видовыми формами и терять четкий смысл.

Однако при таком утверждении упускается из вида задача, которую ставит грамматика — определять категориальное значение формы вне контекста. То, что в РГ опорным критерием системы глагольных времен считается точка отсчета, а не момент речи, основано на том положении (§ 1495), что различия между моментом речи и точкой отсчета, находящейся, например, в

прошлом, не отражены в морфологической системе форм времени. Однако можем вспомнить, что в защиту термина момента речи приводится тот же аргумент, который приводят в пользу термина точки отсчета — это грамматическая точка, на основе которой выделяются категориальные значения, а не объективная точка. Поэтому можно сказать, что лингвисты, по сути, стремятся к тому же содержанию разными терминами.

Вместе с тем приходится признать, что в некотором смысле вся локация во времени относительна, так как нет абсолютно определенной точки во времени. Употребление термина абсолютное время, указывающего локацию событий по отношению к настоящему моменту, Б. Комри (Comrie, 1985, с.6) называет обыкновенной терминологической условностью. По мнению Р. Бинника (Binnick, 1991, с.212) значимость момента речи не столь привилегированна, как принято считать — это всего лишь первая точка отсчета. В высказывании момент речи является второстепенным, уступая значительную роль временным отношениям, построенным на синтаксических связях.

Таким образом, момент речи и точка отсчета — это термины, которые, если учитывать разные аспекты языковых явлений, каждый из которых может считаться по-своему удобным. Однако, исходя из того соображения, что категории предшествования, следования, одновременности концептуально абстрактнее категорий прошлого, настоящего, будущего, термин точка отсчета и систему времен, построенную на этом понятии, можно считать универсалиями.

Выводы

Рассмотрев историю вопроса, следует отметить, что потребность в объяснении сути временного отношения существовала на протяжении всей истории науки о языке, так как относительность изначально является условием идеи времени. Первый примитивный признак — линейное представление, при котором прошедшее и будущее понимаются в отношении к настоящему на линии времени. Исходя из этого представления, античные грамматисты предпринимали первые попытки определить отношения временных форм. Грамматика Нового времени дала понятия абсолютных и относительных времен, усвоенные современными грамматиками. В определениях временных систем особую роль начали играть понятия момента речи и точки отсчета, которые позволили унифицировать определения времен и их отношений в грамматических системах. Понятия дейксиса и шифтера позволили выявить категории таксиса, являющейся смежной по отношению к категории времени.

Ретроспективное сравнение аспекта относительности в трактовках грамматического времени и анализ схем соотношений в определениях грамматического времени в русских и литовских академических грамматиках показали, что языковыми явлениями, предполагающими понятие относительности и временные отношениям,

являются грамматическая категория времени, понятия абсолютного и относительного времени, принципы выражения последовательности (согласования) времен (*consecutio temporum*), функционально-семантическая категория таксиса, категория временного порядка:

1. Грамматическая (морфологическая) категория времени подразумевает семантическую взаимосвязь, при которой значение глагольной временной формы объясняется определенным временным отношением выражаемого действия к некому моменту. Этим моментом может считаться абстрактная точка (LKG, DLKG — грамматический момент речи, в РГ — грамматическая точка отсчета), обуславливающая категориальное значение временной формы, понимаемое вне контекста, или ситуативная точка, обуславливающая значение временной формы в конкретной ситуации высказывания, причем последняя может вместе с дейктическим центром переходить от одного говорящего к другому, может переноситься в другой план (режим) повествования.

2. В оппозиции абсолютного времени и относительного времени, абсолютным временем считаются формы времени, выражающие значение во временном отношении к моменту речи (что указывает на условность этого термина), относительным (релятивным) временем считаются формы времени, выражающие значение во временном отношении к другой точке отсчета.

Следует разделять понятия относительного времени и относительного употребления времен. Относительным временем следует считать формы (плюсquamперфект, литовские сложные времена), которые являются членами временной парадигмы в конкретном языке, а в высказывании могут употребляться изолированно, при этом момент их отношения восприниматься имплицитно. При этом формы абсолютного времени можно считать немаркированным членом оппозиции, способным при нейтрализации выражать значение относительного времени — отношение к другому выраженному событию действию высказывания. В русском языке такие случаи следует считать относительным употреблением форм абсолютного времени.

К функционированию относительного времени следует отнести закономерности употребления временных форм в придаточных предложениях, в особенности правила последовательности времен (*consecutio temporum*). В этих случаях связь форм обуславливает значение определенного временного отношения.

3. Таксис (в узкой трактовке) является функционально-семантической категорией, которая характеризует один сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту безотносительно к моменту речи. Если понятие относительного времени характеризует самостоятельную временную ориентацию одной формы времени, то таксис же характеризует не одну форму, а сочетание форм, предполагающих: а) либо сопряженность основного и сопутствующего действия, выраженного

нефинитной формой; б) либо однородное отношение действий, выраженных финитными формами, к тому же денотативному времени с точки зрения момента речи.

4. Временной порядок — это языковое представление временной оси, репрезентируемой событиями, процессами, состояниями, обозначениями моментов времени и интервала, отражаемое в высказывании или целостном тексте.

Литература

1. Аврелий Августин, 1992. Исповедь. В кн.: Августин Аврелий. Исповедь. Петр Абеляр. История моих бедствий. Москва: Республика, сс.8–222.
2. Агрова, О. В., 2005. Грамматическая категория времени субстанциональные характеристики и лексико-семантические интерпретации. Краснодар: КГУ, с.498.
3. Ambrazas, V. (red.), 1976. Lietuvių kalbos gramatika. III t. Sintaksė. Vilnius: Mokslas, p.1014.
4. Ambrazas, V. (red.), 1994. Dabartinės lietuvių kalbos gramatika. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, p.743.
5. Апресян, Ю. Д., 1997. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. Семиотика и информатика, вып. 35. Москва: Русские словари, сс.272–298.
6. Аристотель, 1998. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, с.1392.
7. Arnauld, A., Lancelot, C., 1810. Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal par Arnauld et Lancelot. Paris: Bossonage et Masson, p.464.
8. Binnick, R., 1991. Time and the Verb. Oxford: Oxford University Press, p.554.
9. Бондарко, А. В., 1971. Вид и время русского глагола. Москва: Просвещение, с.239.
10. Бондарко, А. В., 1984. Функциональная грамматика. Ленинград: Наука, с.133.
11. Бондарко, А. В., 1987. Общая характеристика семантики и структура поля таксиса. В кн.: Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Бондарко, А. В. (Ред.) Ленинград: Наука. сс.234–243.
12. Бондарко, А. В., 1990. Темпоральность. В кн.: Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Бондарко, А. В. (Ред.) Ленинград: Наука, сс.5–58.
13. Бондарко, А. В., 1996. Категория временного порядка и функции глагольных форм вида и времени в высказывании. В кн.: Межкатегориальные связи в грамматике, Бондарко, А. В. (Ред.) Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, сс.6–22.
14. Бондарко, А. В., 1999. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, с.260.
15. Boman, T., 1970. Hebrew Thought Compared with Greek. New York: Norton, p.224.
16. Бюлер, К., 1993. Теория языка. Москва: Прогресс, с.501.
17. Varro, 1938. On the Latin Language, vol. II. London: William Heinemann LTD, p.336.
18. Виноградов, В. В., 1952. Грамматика русского языка. Т. 1: Фонетика и Морфология. Москва: Изд-во АН СССР, с.720.
19. Гомер, 1990. Илиада. Ленинград: Наука, с.576.
20. Dahl, Ö., 1985. Tense and Aspect Systems. Oxford-N.Y.: Basil Blackwell, p.213.
21. Диоген Лаэртский, 1986. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Москва: Мысль, с.571.
22. Dionysios Thrax, 1874. The Grammar of Dionysios Thrax. St. Louis: The R. P. Studley Co.
23. Есперсен, О., 1958. Философия грамматики. Москва: Издательство иностранной литературы, с.404.

24. Zeisler, B., 2004. Relative Tense and Aspectual Values in Tibetan Languages: a Comparative Study. Berlin: Walter de Gruyter, p.986.
25. Comrie, B., 1985. Tense. Cambridge: Cambridge University Press, p.139.
26. Кант, И., 2006. Критика чистого разума. Москва: Эксмо, с.736.
27. Lyons, J., 1977. Semantics, vol II. New York: Cambridge University Press, p.892.
28. Лайонз, Дж., 1978. Введение в теоретическую лингвистику. Москва: Прогресс, с.530.
29. Luraghi, S., Bubenik, V., 2010. Continuum Companion to Historical Linguistics. London/New York: Continuum International Publishing Group, p.453.
30. Madvig, J. N., 1859. A Latin Grammar for the Use of Schools. London: Henry, J. and Parker, J., p.502.
31. Маслов, Ю. С., 2004. Очерки по аспектологии. В кн.: Избранные труды, Маслов, Ю. С.. Москва: Языки славянской культуры, сс.21–304.
32. Падучева, Е. В., 1986. Семантика вида и точка отсчета. Серия литературы и языка, т. 45, № 5, сс.413–424.
33. Падучева, Е. В., 2010. К интерпретации видо-временных форм в нарративном режиме: настоящее историческое. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). Москва: Изд-во РГГУ, сс.375–381.
34. Paulauskienė, A., 1979. Gramatinės lietuvių kalbos veiksmoždžio kategorijos. Vilnius: Mokslas, p.213.
35. Petronienė, S., 2009. The Meaning of Lithuanian Past Tenses and Their Equivalents in English. Vilnius: Vilniaus universitetas, p.158.
36. Полянский, С. М., 2001. Таксис — относительное время — эвиденциальность (к проблеме критериев разграничения). Сибирский лингвистический семинар. № 2 Новосибирск: Новосиб. книж. изд-во сс. Доступ: <http://www.philology.ru/linguistics3/polansky-01.htm> [Просмотр. в сентябре 2012 г.].
37. Потапова, Т. В., 2009. Диахрония категории времени глагола. Ростов-на-Дону: ТГПИ, с.204.
38. Reichenbach, H., 2005. The Tenses of the Verbs. *In*: The Language of Time, Mani, I, Pustojevsky, J., Gaizauskas, R. (eds.). Oxford: Oxford University Press, pp.71–78.
39. Рикёр, П., 2004. Память, история, забвение. Москва: Издательство гуманитарной литературы, с.728.
40. Halliday, M., Matthiessen, C., 2004. An Introduction to Functional Grammar. London: Arnold.
41. Holvoet, A., Pajėdienė, J., 2004. Laiko kategorija ir laiko forms. Кн.: Gramatinių kategorijų tyrimai: straipsnių rinkinys, Holvoet, A., Semėnienė, L. (red.). Vilnius: Lietuvių kalbos instituto leidykla, pp.121–140.
42. Храковский, В. С., 2009. Таксис: семантика, синтаксис, типология. В кн.: Типология таксисных конструкций, Храковский, В. С. (ред.), Москва: Знак, сс.11–113.
43. Шаповалова, Т. Е., 2000. Категория синтаксического времени в русском языке (автореф. дис.). Москва: МГУ, с.41.
44. Шведова, Н. Ю. (ред.), 1982. Русская грамматика. Т. 2 Москва: Наука, с.710.
45. Jakobson, R., 1971. Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb. Кн.: Jakobson, R. Selected Writings, vol II. Paris: Mouton, pp.130–147.
46. Якобсон, Р., 1996. Язык и бессознательное. Москва: Гнозис, с.248.

Diana Vilkelionok

Santykiumo aspektas ir gramatinė laiko kategorija

Santrauka

Veiksmoždžio laikai gramatikoje skiriami nuo Antikos laikų. Veiksmoždžio formos, siejamos su tam tikromis reikšmėmis, konkrečioje kalboje sudaro tam tikrą sistemą, paaiškinamą laiko santykių schemomis. Gramatinės laiko kategorijos apibrėžimas susijęs su laiko reikšmių tarpusavio gretinimo kriterijaus problema. Įvairūs šios problemos sprendimo būdai lemia skirtingus sisteminių gramatinės laiko raiškos bruožų aiškinimus. Šio straipsnio tikslas – išanalizuoti gramatinės laiko kategorijos aspektus, pagrįstus santykiumu ir laiko santykiais, apibrėžti šį klausimą liečiančius kalbinius reiškinius. Straipsnyje apžvelgiama veiksmoždžio laiko aiškinimo gramatikoje istorija, pateikiamos susiformavusios veiksmoždžio laiko formų aiškinimo schemas, išskiriami santykinio laiko termino aiškinimo būdai. Paskutiniame skyrelyje analizuojamas gramatinės laiko kategorijos aiškinimas rusų ir lietuvių kalbų akademinėse gramatikose. Gramatinė laiko kategorija lietuvių kalbos gramatikose apibrėžiama pabrėžiant santykį su kalbamojo momento sąvoka, o rusų kalbos gramatikoje – su atskaitos taško sąvoka.

Straipsnis įteiktas 2011 10
Parengtas spaudai 2012 05

Об авторе

Диана Вилькелёнок, докторант Каунасского гуманитарного факультета Вильнюсского университета, преподаватель Центра иностранных языков Каунасского технологического университета.

Области научных интересов: сопоставительная грамматика, проблемы русского-литовского перевода, философия медий.

Адрес: Каунасский технологический университет, Факультет гуманитарных наук, ул. Гедимино, 43, 44240 Каунас, Литва.

Эл. почта: diana.vilkelionok@ktu.lt